

«О Б Л А К А»

09.08.2011

В эфире программа "Облака"...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Как я устал повторять бесконечно все то же и то же,

Падать и вновь на своя возвращаться круги.

Я не умею молиться, прости меня, Господи Боже,

Я не умею молиться, прости меня и помоги...

Это отрывок из поэмы Александра Галича, которая посвящена одному из великих подвижников и героев XX века **Янушу Корчаку**.

60 лет назад, в начале августа 1942 года **Януш Корчак** погиб в концлагере Трешлинка. Вместе с ним в газовых камерах Трешлинка были уничтожены 200 детей из варшавского Дома Сирот, основателем и бессменным руководителем которого Януш Корчак был с момента его создания в 1911 году. С детьми в Трешлинке погибли и воспитатели Дома сирот: **Стефания Вельчинска**, пани **Бронятовска**, пан **Штернфельд**.

Януша Корчака называют писателем, педагогом, врачом. Но главное дело его жизни - дети.

"Преобразовать мир, - писал Корчак, - это значит преобразовать воспитание, изменить отношения между детьми и взрослыми: детство - это абсолютная ценность. Те, у кого не было безмятежного, настоящего детства, страдают всю жизнь".

В прошлой передаче мы рассказывали, что, кроме Дома сирот, Януш Корчак участвовал в создании Нового дома - приюта для польских детей-сирот.

Но можно ли сделать безмятежным и настоящим детство тех, кто остался без родителей? Корчак и его сотрудники это сделали.

"Если бы не этот Дом, - сказал один мальчик, прощаясь с воспитателями, - я бы не знал, что на свете существуют честные люди, которые не крадут. Не знал бы, что можно говорить правду. Не знал бы, что на свете есть любовь".

И Дом сирот, и Новый дом стали Детскими Республиками, которые управлялись самими детьми. Это были островки справедливости, милосердия, согласия, братства и любви. Но как можно добиться мира и согласия в доме, где было всего восемь сотрудников и сто с лишним детей, которые, как и все дети, не слушаются взрослых, ссорятся, конфликтуют, дерутся друг с другом? Помимо Конституции и свода законов, в Детских Республиках был создан свой суд.

В своем вступлении к "Кодексу товарищеского суда" Корчак писал: "Если человек сделал что-нибудь плохое, лучше всего простить его. Если он сделал плохое, потому что не знал, что это плохо, теперь уже будет знать. Если он сделал плохое не нарочно, в будущем будет осторожнее. Если он сделал плохое, так как ему трудно привыкнуть к жизни в нашем Доме, постарается больше не делать этого. Если сделал плохое, потому, что его подговорили, больше не послушается".

Если человек сделал что-нибудь плохое, лучше всего простить его, подождать, пока он исправится".

Как жаль, что студенты наших юридических факультетов не изучают "Кодекса Януша Корчака".

После оккупации Польши в Варшаве было создано гетто, в 1940 году туда перевели и Дом сирот. Такие гетто создавались нацистами во всех оккупированных странах. Здесь концентрировались представители неполноценных наций, подлежащие уничтожению. В концлагерях и гетто погибло 6 миллионов евреев, один миллион цыган. Миллионами погибали и наши соотечественники. Прежде всего, военнопленные, помогать которым через Красный Крест отказалось советское правительство.

Ввозить в гетто продовольствие было запрещено. Несмотря на чудовищный голод, в Доме сирот

продолжались занятия. Время детей было наполнено учебой и трудом, старшие заботились о младших. Сотрудники Дома сирот с прежней тщательностью заботились о чистоте их белья.

Днем Корчак ходил по гетто, правдами и неправдами добывая пищу для детей. Он возвращался поздно вечером, иногда с мешком гнилой картошки за спиной, а иногда с пустыми руками, пробираясь по улице между мертвыми и умирающими. А по ночам приводил в порядок свои бумаги, свои бесценные тридцатилетние наблюдения за детьми: и писал. Секретарь Корчака Игорь Неверли, готовивший тексты, написанные Старым Доктором в гетто, дал им название - "Последние странички дневника".

Из записок Януша Корчака:

"У тротуара лежит подросток, не то живой, не то мертвый. И тут же рядом, у трех мальчишек, игравших в лошадку, перепутались веревочки (вожжи). Мальчишки переговариваются, пробуют и так, и эдак, злятся, задевают ногами лежащего. Наконец один из них говорит: "Отойдем немножко, а то он мешает". **Они отошли на несколько шагов и продолжали распутывать вожжи**".

"Пасмурное утро. Половина шестого. Будто и нормально начался день. Говорю Ганне:

- Доброе утро.

Она отвечает удивленным взглядом.

Прошу: Ну улыбнись же!

Бывают бледные, чахлые, чахоточные улыбки".

Кроме Дома сирот на попечении Корчака оказался и Дом подкидышей.

В помещении, рассчитанном на несколько сотен, находилось несколько тысяч детей.

В одну из февральских ночей ударил мороз. Всю ночь Старый Доктор, его сотрудники и старшие дети готовились к "экспедиции" в Дом подкидышей: собирали теплую одежду и просто тряпки, грели воду, готовили еду.

Как только закончился комендантский час, доктор Корчак и его помощники отправились в Дом подкидышей.

С порога в нос ударил запах кала и мочи. Младенцы лежали в грязи, пеленок не было, моча замерзла, закоченевшие трупы лежали скованные льдом.

Прежде всего бросились отогревать еще живых. Их протирали тряпками, смоченными в теплой воде, укутывали, как могли. Часть сотрудников Дома сирот выносила заледеневшие трупы младенцев на улицу и складывала на покрывала, чтобы потом похоронить в братской могиле.

Выжившие дети сидели на полу или на скамеечках, монотонно качаясь, и, как зверушки, ждали кормежки. Детей накормили еще не остывшей кашей, дали по кусочку хлеба и кружке кипятка.

Мог ли он, Старый Доктор, не размышлять о том, для какого будущего он воспитывает детей в своем Доме сирот, прививает им хорошие манеры, учит доброте: для газовой камеры в Треблинке, для крематория в Освенциме?

"Какие невыносимые сны! - записывает Корчак в своем дневнике. - Мертвые тела маленьких детей. Один ребенок в лохани. Другой, с содранной кожей, на нарах в мертвецкой, явно дышит.

Новый сон: я на неустойчивой лестнице, высоко, а отец опять и опять сует в рот кусок торта, большой, этакий с глазурью и с изюмом, а то, что во рту не помещается, раскрошенное, кладет в карман.

В самом страшном месте просыпаюсь "

Перед Янушем Корчаком, всю жизнь готовившим детей для жизни, в весенние и летние месяцы 1942 года вставал вопрос, которого нет и не может быть ни в одном учебнике педагогики: как готовить детей к смерти? Говорить им правду - или обманывать их?

В июле 41-го в Доме сирот занялись театром. Для репетиций Корчак выбрал пьесу Рабиндраната Тагора. В этой пьесе каждое слово значило больше, чем казалось на первый взгляд, каждый предмет, помимо своего простого, понятного всем предназначения, имел и предназначение тайное, глубокое, уводившее в мир буддистских представлений о непрерывности жизни, о сансаре - колесе превращений. Окно, в которое на протяжении всей пьесы глядит больной мальчик Амаль, было окном на улицу и одновременно окном в другой мир, находившийся по другую сторону от

обычного. В этом другом мире смерти нет, а есть только переход в другую жизнь. Дети учили роли, придумывали костюмы, репетировали. Обитатели гетто, еще способные передвигаться, получили приглашение, в котором было сказано: "Вас ждет нечто большее, чем актеры-дети".

5 августа 1942 года Дому сирот, детям и воспитателям было приказано явиться с вещами на Умшлягплац. Так при немцах называлась площадь у Гданьского вокзала.

Из поэмы Александра Галича "Цикл молитв КАДИШ"

Эшелон уходит ровно в полночь,
Паровоз-балбес пыхтит - Шалом! -
Вдоль перрона строем стала сволочь,
Сволочь провожает эшелон
Эшелон уходит ровно в полночь,
Эшелон уходит прямо в рай,
Как мечтает поскорее сволочь
Донести, что Польша "юдэнфрай".
"Юдэнфрай" Варшава, Познань, Краков,
Весь протекторат из края в край
В черной чертовне паучьих знаков,
Ныне и вовеки - "юдэнфрай"!
А на Умшлягплаце у вокзала
Гетто ждет устало - чей черед,
И гремит последняя осанна
Лаем полица - "Дом сирот"!
Шевелит губами переводчик,
Глотка пересохла, грудь в тисках,
Но уже поднялся старый Корчак
С девочкою Натей на руках.
Знаменосец, козырек заломом,
Чубчик вьется, словно завитой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой.

Два горниста поднимают трубы,
Знаменосец, выпрямил древко козырек с заломом,
Детские обветренные губы
Запевают гордо и легко:
Наш славный поход начинается просто,
От Старого Мяста до Гданьского моста,
И дальше, и с песней, построясь по росту,
К варшавским предместьям, по Гданьскому мосту!
По Гданьскому мосту!
По улицам Гданьска, по улицам Гданьска
Шагают девчонки, Марыся и Баська,
А маленький Боля, а рыженький Боля
Застыл, потрясенный, у края прибоа,
У края..."

Пахнет морем, теплым и соленым,
Вечным морем и людской тщетой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой!

Мы проходим по трое, рядами,
Сквозь кордон ээсовских ворон...
Дальше начинается преданье,
Дальше мы выходим на перрон.
И бежит за мною переводчик,

Робко прикасается к плечу, -
"Вам разрешено остаться, Корчак", -
Если верить сказке, я молчу,
К поезду, к чугунному парому,
Я веду детей, как на урок,
Надо вдоль вагонов по перрону,
Вдоль, а мы шагаем поперек.
Рванными ботинками бряцая,
Мы идем не вдоль, а поперек,
И берут, смешавшись, полицаи
Кожаной рукой под козырек.
И стихает плач в аду вагонном,
И над всей прощальной маятой -
Пламенем на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой.
Может, в жизни было по другому,
Только эта сказка вам не врет,
К своему последнему вагону,
К своему чистилищу-вагону,
К пахнущему хлоркою вагону
С песнею подходит "Дом сирот":

"По улицам Лодзи, по улицам Лодзи,
Шагают ужасно почтенные гости,
Шагают мальчишки, шагают девчонки,
И дуют в дуделки, и крутят трещотки...
И крутят трещотки!

Ведут нас дороги, и шляхи, и тракты,
В снега Закопане, где синие Татры,
На белой вершине - зеленое знамя,
И вся наша медная Польша под нами,
Вся Польша..."

И тут кто-то из высокого начальства, не выдержав, дает сигнал к отправлению. Эшелон Варшава-Треблинка задолго до назначенного часа, случай совершенно невероятный, тронулся в путь...

Вот и кончена песня.
Вот и смолкли трещотки,
Вот и скорчено небо
В переплете решетки.
И державе своей
Под вагонную тряску
Сочиняет король
Угомонную сказку...

Итак, начнем, благословясь...
Лет сто тому назад
В своем дворце неряха-князь
Развел везде такую грязь,
Что был и сам не рад.

И, как-то, очень рассердясь,
Призвал он маляра.
"А не пора ли, - молвил князь, -
Закрасить краской эту грязь?"
Маляр сказал: "Пора,
Давно пора, вельможный князь,
Давным давно пора".

И стала грязно-белой грязь,
И стала грязно-синей грязь,
И стала грязно-желтой грязь
Под кистью маляра.
А потому что грязь есть грязь,
В какой ты цвет ее не крась.

Нет, некстати была эта сказка, некстати,
И молчит моя милая чудо-держава,
А потом неожиданно голосом Нати
Невпопад говорит: "До свиданья, Варшава!"
И тогда, как стучат колотушкой о шпалы,
Застучали сердца колотушкой о шпалы,
Загудели сердца: "Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!"
По вагонам, подобно лесному пожару,
Из вагона в вагон, от состава к составу,
Как присяга гремит: "Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!
Пусть мы дымом растаем над адовым пеклом,
Пусть тела превратятся в горючую лаву,
Но водой, но травой, но ветром, но пеплом,
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!"

Оккупационные власти сделали все возможное для морального разложения своих будущих жертв. В обреченном на уничтожение Варшавском гетто работали рестораны и устраивались конкурсы красоты, была своя мафия, которая наживалась на торговле с жителями прилегающих к гетто польских кварталов. Освобождение из гетто можно было купить.

За порядком в гетто следила внутренняя полиция, набранная тоже из обитателей гетто. Руками полицейских варшавского гетто отбирались и люди для отправки в концлагерь. Колонны в несколько тысяч обреченных на смерть людей успешно конвоировали несколько эсэсовцев.

Население гетто умирало: от голода, от болезней, от чувства безысходности и страха, от человеческой подлости.

Летом 43-го года в гетто вспыхнуло восстание, которое было подавлено ценой невероятных усилий. В течение нескольких месяцев практически безоружные люди противостояли танкам, артиллерии, регулярным частям вермахта и СС. Восстание варшавского гетто - одна из самых героических страниц в истории еврейского народа.

Что же дало людям силы для того, чтобы очнуться, чтобы начать подготовку восстания? Историки говорят разное, но одно обстоятельство не выпускает из виду никто. Душой сопротивления были дети. Дети первыми перестали бояться. Первыми стали воровать и нападать на магазины соплеменников-кровопийц. Стали кормить себя и умирающих от голода родителей. Дети стали вести себя так, что родителям стало стыдно. Дети начали Сопротивление.

После смерти детей и Корчака в Польше долго говорили: "Они живы - Старый доктор, дети. Их не взял огонь - отступился. Дети живы. И пан Доктор жив. Ходят по селам. Где добрый человек живет - они в дверь постучат. А если злой живет - не стучатся."

А еще жила в "Доме сирот" девочка Ната. После тяжелой болезни она не могла ходить, но зато хорошо рисовала и сочиняла песенки - вот одна из них.

Я кораблик клеила
Из цветной бумаги,
Из коры и клевера,
С клевером на флаге.
Он зеленый, розовый,
Он в смолистых каплях,
Клеверный, березовый,
Славный мой кораблик, славный мой кораблик.
А когда забулькают ручейки весенние,
Дальнею дорогою, синевой морской,

Поплывет кораблик мой к острову Спасения,
Где ни войн, ни выстрелов, - солнце и покой.
Я кораблик ладила,
Пела, словно зяблик,
Зря я время тратила
Сгинул мой кораблик.
Не в грозном отблеске,
В буре, урагане -
Попросту при обыске
Смяли сапогами...
Смяли сапогами...

Но когда забулькают ручейки весенние,
В облаках приветственно протрубит журавлик,
К солнечному берегу, к острову Спасения
Чей-то обязательно доплывет кораблик!

Вы слушали программу "Облака".

В передаче были использованы фрагменты из музыкальных произведений Виталия Бондарчука.

Всем привет.